

**Молитвы
разбитому камню**

Посвящается Карен, с любовью

ВСТУПЛЕНИЕ

Рано или поздно приходит время, и ты понимаешь: ничего нового или значительного больше не совершить. Тогда остается только достать огромный гробсбух и подвести итоги — что же такого ценного можно оставить потомству. Тут проявил себя молодецом, тут храбрецом; в таком-то году историю добротную рассказал; в таком-то десятилетии поучаствовал в важном общественном движении. Дети тоже учитываются. И книги. Преданные друзья. Мужья и жены. Братья наши меньшие. Гору в честь тебя назвали. А потом столь тщательно заготовленные лавры берут и рассыпаются в прах.

Культурная амнезия. Мы похоронили вчерашний день. Кто сегодня помнит Криспуса Эттакса или Эдуарда Яшинского, Бетти Пейдж или Уэнделла Уилки, Элвина Роя или Мемфис Минни Дуглас? Человек семь на всем белом свете помнят их: вы, да я, да еще пятеро.

Слоновьи бивни, все крушившие в ударе,
Сегодня скрыты в бильярдном шаре.

Роланда меч, покрытый бранной славой,
Давно рассыпался трухою ржавой.

Могучий гризли, всех страшнейший зверь,
Под ноги лег простым ковром теперь.

И Цезарь — бюстиком на полку встал...
И я немного нынче захворал.

Артур Гитерман.

О тщете земного величия

Так и после моей смерти никто, конечно же, не вспомнит, что именно я первым напечатал Ленни Брюса; спас от застройщиков две сотни акров прибрежной земли; самолично поймал одного угонщика машин; вычислил и помог засадить за решетку домовшника; переписывался с загадочным Б. Травеном и выпустил первую книгу его рассказов; добился от Американской ассоциации авто-

ров детективов выплаты гонораров писателям и редакторам, которые работали над их антологиями.

Для меня все это важно, но после моей кончины... мир обо всем забудет. Награды и премии, легендарные похождения, расточительная любовь... все туманится в зеркале, зеркало укутывают белым покрывалом и убирают с глаз долой вместе со старинной мебелью, которую однажды, какой-нибудь зябкой ночью, рубят на дрова. И кто тогда скажет, что было важным для человека при его жизни, что стоящего он успел сделать?

Лишь по чистой случайности и очень небольшое может избежать забвения в океане времени.

Все больше и больше убеждаюсь в том, что из всех возможностей, предоставленных мне судьбой, открытие Дэна Симмонса — мой самый надежный спасательный круг, обломок, зацепившись за который я не утону в этом океане.

Да-да, именно так. Я его *открыл*.

Стэн Фреберг однажды выпустил прекрасную пластинку под названием «Соединенные Штаты Америки. Том первый: Ранние годы». Там был один чудный диалог. Колумб встречает на берегу индейцев и говорит им: «Я вас нашел!» — а они в ответ: «А мы и не терялись. *Мы-то* знали, что мы тут». Тогда Колумб поправляется: «Ну, по крайней мере, я открыл, что вы здесь, на берегу». Они вроде как соглашаются: странный какой-то тип, ну да ладно.

Вот почти так же я открыл Дэна Симмонса. На берегу. Он там сидел обгоревший и злой.

Достойная история. Можно кое-чему поучиться на примере такого вот случайного литературного открытия. Запишу-ка я ее для потомства.

Всему виной Эд Брайант; теперь-то он близкий друг Дэна, но тогда они не были знакомы. Мы с Эдом давно приятельствовали; думаю, именно поэтому жарким дождливым летом 1981-го я и согласился выступить в качестве почетного гостя на писательской конференции в колледже Колорадо-Маунтин. Нужно было провести семинар для группы амбициозных дилетантов — еще больших любителей, чем те начинающие авторы, с которыми я неоднократно работал на клэрионских семинарах. Меня от этой мысли бросало в дрожь.

Условия не очень-то способствовали плодотворному общению: душные аудитории, стулья с плоскими спинками, страшно неудобные жесткие парты, прямо как в третьем классе. Они еще и стояли

рядами. В середине комнаты — возвышение, с которого, как предполагалось, восседающий лицом к слушателям «наставник» будет сеять разумное, доброе, вечное в малообразованные умы.

Кошмар какой-то... особенно если вспомнить Клэрион, где уютные кресла и диваны составлены в круг, всем друг друга хорошо видно и лектор не доминирует над слушателями. К тому же в Колорадо-Маунтин группа была слишком большая — со всеми поработать никак не успеешь.

Я приехал накануне вечером, и мне выдали пачку рукописей для разбора на семинаре. Никто не объяснил, в каком порядке рассказы будут обсуждаться, поэтому я принялся читать наугад, не особенно впечатленный качеством материала, но в надежде, что именно эти работы окажутся первыми в списке.

И вот на следующее утро добираюсь я до вестибюля, где участники толкуются и пьют кофе с булочками, и проверяю этот самый список. Вообразите себе мою «радость»: оказывается, я даже не открыл те три-четыре рассказа, которые предполагается обсудить в первую очередь, а потратил всю ночь на чтение тех, что отнесены на конец недели.

Быстро хватаю со стенда непрочитанные рассказы, забиваюсь в дальний угол библиотеки и принимаюсь наверстывать упущенное. Первые три написаны прилично, но ничего особенного. Четвертый — просто ужас какой-то. До пятого добраться не успеваю... объявляют начало семинара.

Я вошел в аудиторию, увидел толпу людей за партами и пустой стул на возвышении, ожидавший меня, словно странствующего миссионера-возрожденца, который приехал проповедовать Слово Божье, — и сердце мое упало. Утро обещало быть чертовски трудным.

Поймите, я не верю в то, что «писать может каждый». Каждый (или каждая) способен складывать слова в некоторую осмысленную последовательность, если обладает элементарными языковыми навыками и хотя бы минимальным читательским опытом. Этого вполне достаточно, чтобы сочинять письма, кандидатские диссертации или заниматься «творчеством», но недостаточно для того, чтобы быть писателем. Именно писателем, а не «автором», коих, увы, сегодня расплодилось немало: Джудит Кранц, Эрик Сигал, К. В. Эндрюс, Сидни Шелдон — список можете продолжить сами. Чтобы быть писателем, нужно слышать музыку. Лучше не могу объяснить. Нужно просто слышать музыку. Пусть синтаксис хромает, пусть ошибок миллион, пусть тема сырая, но ты читаешь и понимаешь:

это писатель. Сбивчиво, слова подобраны неверно, но страницы наполняет музыка. И по-другому не бывает, что бы там ни думали любители или чрезмерно сердобольные души.

Поэтому когда меня приглашают вести семинар, я считаю своим долгом быть честным до конца. Допустим, кто-то из всех сил работает в надежде стать писателем, но при этом не слышит музыки. Я могу искренне ему сочувствовать, но если выберу простой и легкий путь и постараюсь «не оскорбить чьи-то чувства» (мои собственные в том числе — ведь слыть бессердечным чудовищем тоже не очень приятно), то просто-напросто предам свое ремесло, подведу тех, кто меня пригласил на семинар, и тех, кто принес на него работы. Хуже нет, чем врать человеку, который, по моему мнению (а я, как и все, вполне могу ошибаться), не слышит музыки. Врать в такой ситуации — просто подлю. Фланнери О'Коннор однажды сказала: «Меня всюду спрашивают: „Не кажется ли вам, что университетское образование душит писателей?“ На мой взгляд, оно их душит недостаточно. Сейчас выпускается множество таких бестселлеров, появление которых мог бы предотвратить хороший учитель».

Вот и я считаю своим долгом отбить охоту писать у как можно большего числа «многообещающих авторов».

Потому что у настоящего писателя отбить охоту писать невозможно. Я говорил об этом сотни раз. Сломайте настоящему писателю руки, и он или она будет выстукивать рассказ на машинке пальцами ног или носом.

Именно с таким настроем я уселся на тот стул перед толпой взволнованных молодых и совсем не молодых мужчин и женщин, которые пришли в надежде, что некий гуру сейчас скажет им: «Да, у вас есть шанс». (В последнее время я почти не провожу семинаров. Невыносимо во имя священного дела настоящей литературы причинять столько боли. Пусть кто-нибудь другой этим занимается.)

Участник, чей рассказ шел первым, отсутствовал. Был, я так полагаю, на семинаре по поэзии. Так что мы начали со второго. Я спрашивал мнение присутствующих, а потом уже говорил сам. Комментарии следовали не особо выразительные — обычные «очень понравилось» или «восемьдесят шесть из ста, я бы под такое сплясал». Никакого серьезного разбора, но он и не требовался: это был неплохой рассказ, не более того.

С третьим — почти так же. А потом мы добрались до четвертого. Дилетантское месиво из банальнейших клише, никакого изяще-

ства, ошибки в каждом втором слове, повсюду типичные ляпы, которыми грешат те, кто, по выражению Стэнли Эллина, «принимает любовь к чтению за писательский талант». Да, разговор явно предстоял неприятный.

Отзывов из аудитории последовало мало. Большинство присутствующих, по крайней мере, сознавали, что рассказ просто ужасен. Они притихли, я еще немного поспрашивал, ответа не дождался, и в комнате повисла смущенная тишина. Слушатели замерли, словно перед выступлением воздушных акробатов: впервые! смертельный номер! групповое тройное сальто-мортале.

Я попросил автора назваться. Если уж придется это сделать, надо хотя бы набраться храбрости и посмотреть ему в глаза.

Руку поднял пожилой человек, худой и высокий, явно повидавший жизнь, но на вид добрый и мягкий. Имени не припомню.

И я ему сказал. Сказал, что, если судить исходя из моей многолетней практики в качестве критика и редактора, из опыта работы на многочисленных семинарах, где я был слушателем и лектором, из обширного и постоянного чтения, из бесконечных попыток улучшить собственную писанину, из всех моих знаний, предположений и догадок о писательском ремесле, — он, с моей точки зрения, литературным талантом не обладает. Ни маленьким, ни большим. Никаким. Я не стремился его задеть, но сказал все прямо, честно и жестко.

Пока я говорил, в комнате сгущались тени. Одни участники съежились за партами, будто хотели спрятаться от моего взгляда. Другие отворачивались, прикрывшись рукой. На некоторых лицах я видел выражение, с каким, наверное, солдаты в окопе виновато, но облегченно вздыхают, когда пуля попадает не в них, а в товарища.

Я не мог остановиться, не показав постранично то чудовищное неумение и ту абсолютную глухоту, которыми был полон рассказ. Наконец я закончил и спросил, первый ли это рассказ, или он уже что-нибудь пытался опубликовать.

Это был приятный, очень сдержанный человек, он ответил без всякой злобы:

— Я написал шестьдесят четыре романа. Меня никогда не печатали.

Сердце мое было разбито, но что я мог поделать? Я сказал:

— Может быть, вам лучше заняться каким-нибудь ремеслом или искусством, к которому у вас есть талант.

Он покачал головой. Мы как будто остались вдвоем в той комнате, неразрывно и навечно связанные, — этот прекрасный пожилой человек и я. Твердым голосом он ответил:

— Я ценю ваши слова и понимаю: вы говорили честно, вы в это верите. Но меня вам не переубедить, я хочу быть писателем и буду пытаться. Но все равно спасибо.

(Не проходит и недели, чтобы я не вспоминал об этом человеке, чье имя успел позабыть. Я вспоминаю о нем всякий раз, когда сажусь за письменный стол.)

Нам всем срочно требовался перерыв.

Продолжать семинар было просто невозможно. Каждый из этих людей требовал особого подхода. Так что я объявил пятнадцатиминутную паузу. Аудитория мгновенно опустела; никто не подошел ко мне поговорить или спросить о чем-либо. Я испугался, что перегнул палку, хотя твердо верил: быть честным — мой долг.

Выходить в коридор к участникам семинара не хотелось. Я знал: они не хотят сюда возвращаться — боятся, что дальше будет то же самое, и жалеют, что не выбрали другую секцию. Я их не винил. Получился и правда какой-то фильм ужасов.

Так что я взял пятый рассказ, верхний в стопке. Как ни погано было у меня на душе, за оставшиеся пятнадцать минут требовалось его прочитать. Ничего хорошего я не ждал. Вот достанется сейчас этому автору, несчастному сукину сыну.

Название вполне обычное, но первые несколько предложений написаны уверенно и хорошим слогом. Помню, я еще подумал: «Ну слава богу. Здесь, по крайней мере, обойдемся без побоища».

И стал читать дальше.

И где-то на середине понял, что плачу. А в конце ощутил, что меня задело за живое, перевернуло, захватило, как всегда происходит в тех случаях, когда читаешь превосходную литературу. Я испытал ту внутреннюю дрожь, ради которой обычно и берешься за книгу.

Вышел из аудитории глотнуть свежего воздуха: меня действительно пробрало. А в коридоре участники семинара сидят на полу и плачут; держатся за стенки и плачут; собрались в кучки и плачут. Совершенно очевидно — перед нами не просто добротная работа, перед нами настоящий писатель, чертовски талантливый.

Перерыв закончился, все собрались, я прочитал название и предложил начать обсуждение.

Желающих высказаться было не много, но рассказ они похвалили. А потом словно прорвало плотину: все начали говорить одно-

временно, перебивая друг друга, — признавались, как глубоко тронул их этот чудесный рассказ.

А потом настала моя очередь. Все посмотрели на меня с тревогой: неужели этот жуткий человек сейчас разнесет в пух и прах даже такую выдающуюся работу? Неужели он просто-напросто ехидное и высокомерное чудовище? Ему что, удовольствие доставляет калечить нежные души?

— Кто из вас Дэн Симмонс? — спросил я.

В третьем или четвертом ряду поднялась рука. Тихий мужчина, я его и не заметил, около тридцати лет, обычного телосложения, просто мужчина — ничего экстравагантного или даже необычного. Он смотрел мне прямо в глаза.

Помню отчетливо лишь немного из сказанного ему тогда (сам-то Дэн помнит почти все), но суть была такова:

— Это не просто хороший, или добротный, или оригинальный рассказ. Это великолепный рассказ. Вы сотворили настоящее чудо. Именно про такое сами писатели говорят: «Хорошо написано». В этом рассказе налицо необычайная опытность и умение, которые приходят после долгих лет проб и ошибок. Он оригинален и исполнен человечности. Вы создали что-то, чего до вас в мире просто не существовало.

Участники семинара остолбенело молчали. Пятнадцать минут назад у них на глазах я выпотрошил одного человека, а сейчас превозносил другого, делал из него символ всего того, чем они сами так жаждали стать. (Я не смог бы лучше продемонстрировать разницу, даже если бы все спланировал заранее. В реальной жизни обычно не сталкиваешься с такими явными, показательными противоположностями. Реальная жизнь неупорядоченна и редко становится сценой подобных откровений. Но вот пожалуйста, я каким-то образом умудрился выпасть из реальной жизни.)

Затем я сказал:

— А теперь я раз и навсегда изменю вашу жизнь.

Мистер Симмонс, вы — писатель. И вы навсегда останетесь писателем, даже если больше ничего не напишете. Возможно, здесь есть и другие писатели, но я сомневаюсь, что кто-нибудь еще в этой комнате является писателем в столь полном и точном смысле этого слова. Я должен сказать и еще кое-что: вы теперь не сможете, никогда не сможете бросить. Вы все знаете и поэтому обречены принести остаток жизни в жертву этому одинокому и священному ремеслу. Пострадает личная жизнь; жена и дети, если таковые имеются, рано или поздно вас возненавидят; каждая влюбленная в вас

женщина будет презирать свою вечную соперницу — вашу профессию; из-за постоянных дедлайнов вы перестанете ходить в кино; из-за проблем с вдохновением будете не спать ночи напролет; финансы запоют романсы, потому что писателям обычно не заработать ни на жилье, ни на игрушки детям.

А самое ужасное знаете что? Большинство из вас думают: он разнес в пух и прах вон того человека (и я указал на пожилого мужчину), а теперь поет дифирамбы вот этому. А правда заключается в том, что я пытался спасти жизнь того господина, а Симмонса только что приговорил к бесконечному труду, возможно без всякой славы и признания, к проклятию, от которого теперь не избавиться до самой смерти!

Вы писатель, мистер Симмонс. Знаете, как это проверить? Вы точно писатель, если другой писатель так говорит.

Можно я представлю ваш рассказ на конкурс в журнал «Сумеречная зона»?

Ну и тут все в аудитории попадали в обморок.

Дэн может рассказать обо всем этом гораздо лучше меня. Он почти дословно помнит, что происходило в то утро. Но чего он рассказать не сможет — так это какое у него было в те минуты лицо. Изумленное, радостное, ошеломленное, испуганное. Бедный грязный мальчишка-конюх узнал, что он наследный принц волшебного измерения.

Конечно же, Дэн выиграл тот конкурс. Если говорить о мастерстве исполнения, то был еще один не менее сильный претендент на первое место. Но судьям (включая Питера Страуба, Роберта Блоха и Ричарда Матесона) рассказ Симмонса просто крышу снес. Дэн одержал победу, обойдя тысячи других участников. Рассказ назывался «Стикс течет вспять», и за ним последовало множество других работ и множество других наград и премий.

Дэн рассказал мне, что три года пытался что-нибудь кому-нибудь продать, но безуспешно. Продал один рассказ журналу «Галактика», но тот закрылся, не успев его напечатать. Продал еще один журналу «Галилей», но тот закрылся, не успев его напечатать. Три года Дэн бился головой о стену. На жизнь зарабатывал преподаванием в начальной школе, учил одаренных детей.

Семинар в Колорадо был его последней надеждой. Дэн и Карен, его жена, ждали ребенка и понимали: семью надо как-то обеспечивать. Карен всегда верила в писательский дар мужа, видела его мучения и поэтому настояла, чтобы он поехал на семинар. Дэн ей по-

обещал: «Если там мне не скажут, что у меня есть хоть какой-то талант, я брошу. Это будет мой Рубикон».

И он победил в конкурсе. И продал повесть журналу «OMNI». И у него появился литературный агент, и агент продал роман «Песнь Кали», и «Песнь Кали» стала первым в мире дебютным романом, который получил Всемирную премию фэнтези в номинации «Лучший роман». И он написал «Гиперион» и получил премию «Хьюго». И я спросил у Дэна однажды вечером (он был в Лонгмонте, Колорадо, а я в Лос-Анджелесе):

— Я когда-то сказал правду и сказал, что она решительно и навсегда изменит твою жизнь. Ты тогда поверил?

— Да.

— А теперь согласишься, если я скажу иную правду, которая изменит твою жизнь снова?

— Да.

И я сказал тихо-тихо, через ночь и разделявшее нас расстояние:

— Дэн, ты станешь знаменитым. Я не про богатство, это-то как раз самое легкое. Ты станешь одним из самых значительных писателей нашего времени. Тебя будут узнавать на улицах, твое имя станет известным. Люди будут спрашивать у тебя совета, бизнесмены начнут искать твоего общества. Ты будешь не просто большим писателем — нет, ты будешь знаменитым писателем. И тебе лучше узнать об этом прямо сейчас, потому что происходить все будет очень быстро. Малыш, приготовься, они набросятся на тебя в мгновение ока, времени разбираться не будет.

Я бывал в том положении, в котором Дэниел Симмонс оказался сейчас, а также в том, в котором он скоро окажется. Может, я и сейчас там, а может, смогу побывать там еще раз. Но одно я знаю точно: если меня и запомнят потомки, то, вполне возможно, именно потому, что я открыл Дэна Симмонса. Вот ведь!

Харлан Эллисон

Предисловие к «Стикс течет вспять»

Есть расхожая фраза: литературные произведения сродни детям. Как и в большинстве клише, в этом имеется доля правды. Когда тебя осеняет идея рассказа или романа, ты переживаешь миг чистого вдохновения, миг зачатия, настолько близкий к экстазу, насколько это возможно в литературном творчестве. Собственно написание произведения, особенно романа, занимает примерно столько же времени, сколько вызревает человеческий зародыш, сопровождается определенным дискомфортом, иногда тошнотой и всегда — абсолютной уверенностью в том, что роды будут мучительными. Наконец рассказы или повести начинают жить собственной жизнью после публикации и вскоре полностью выходят из-под контроля творца. Они развезжают по всему свету, посещают страны, которых автор никогда не увидит, овладевают языками, из которых автор не знает ни слова, добиваются внимания читателей, неизмеримо более состоятельных и образованных, чем автор, и — что, наверное, самое возмутительное — живут еще долго после того, как творец обратился в прах, в полузабытое примечание петитом.

И эти неблагодарные щенки даже писем домой не пишут.

«Стикс течет вспять» был задуман дивным августовским утром 1979 года, в беседе за домом родителей моей жены в Кенморе, штат Нью-Йорк. Я помню, как напечатал первый абзац, помедлил и сказал себе: «Это будет моя первая публикация».

Так и вышло, но по прошествии двух с половиной лет и множества злоключений.

Через неделю после того, как закончил черновик «Стикса», я отправился из западного Нью-Йорка в Рокпорт, штат Мэн, — надо было забрать мою жену Карен после занятий в летней фотостерской. По пути я заехал в Экстер, штат Нью-Гэмпшир, чтобы встретиться и побеседовать с уважаемым писателем, которого знал только по переписке. Его совет гласил: посылай свои сочинения в маленькие журналы, годами — если не десятилетиями — нараба-

тивай репутацию на «лимитированном» рынке, где гонорары выдаются авторскими экземплярами, прежде чем помыслить о том, чтобы взяться за роман, потом еще сколько-то лет печатай книжки-крошки в малоизвестных издательствах с охватом максимум в тысячу читателей, набирая критическую массу.

Я забрал Карен из Рокпорта, и мы покатали назад в Колорадо; путь был долгим. Почти всю дорогу я молчал, обдумывая полученный совет. Совет был, конечно, мудрый — лишь одному начинающему писателю из сотен, если не из тысяч, удастся опубликоваться. Из тех же, кто публикуется, буквально единицы могут как-то прожить своим литературным трудом, и то чаще за чертой бедности. А уж вероятность стать автором бестселлеров не выше, чем угодить под молнию, одновременно подвергаясь нападению белой акулы.

Так что в пути от Рокпорта до Передового хребта, от Мэна до Колорадо я размышлял. И решил, что совет, безусловно, здравый, и осознал, что именно «дорогой маленьких журналов» имеет смысл двигаться, и понял как будто, что моя заветная цель — стать «массовым» автором качественных произведений — совершенно химерична, а следовательно, должна быть забыта.

А потом, увидев, как над равниной перед нами вырастают Скалистые горы, я сказал: «Ну уж нет». Вопреки разумению, я решил замахнуться на максимально широкую аудиторию.

Монтажная склейка: лето 1981-го, два года спустя. Удрученный, отчаявшийся, сломленный бесконечными отказами, наказанный за гордыню суровой реальностью, я бросил попытки пробиться в печать и сделал то, что делать зарекался, — поехал на писательский семинар. Более того, заплатил, чтобы поехать на писательский семинар. «С чего начать», «как подготовить вашу рукопись к подаче», «сядем в круг и дружно покритикуем» — такого рода писательский семинар. Это была моя лебединая песня. Задачу я себе поставил двоякую: поглядеть на других писателей и переключиться в своем подходе к писательству с наваждения на хобби.

Потом я встретил Харлана Эллисона.

Не стану описывать предшествовавшую бойню, когда легендарный анфантеррибль декапитировал, потрошил и вообще расчленил несчастных кандидатов в писатели, приславших рассказы для критического разбора.

В перерывах между выступлениями, пока Харлан Эллисон отдыхал и потягивал воду «Перье», организаторы семинара поспешно

уволакивали разбросанные органы, смывали из шлангов кровь со стен, посыпали пол свежими опилками и готовили аудиторию к следующему жертвоприношению.

Как выяснилось, следующей жертвой был я.

— Кто тут Симмонс? — взревел Эллисон. — А ну встань, рукой помаши, покажись, черт бы тебя побрал! Что за монструозный эгоманьяк такой, что за отъявленный наглец осмелился запендюрить на этот семинар долбаный рассказ в пять тысяч долбанных слов? Покажись, Симмонс!

В приливе редкой отваги (читай: совсем спятив) я приподнял руку, шевельнул пальцами. Встал.

Эллисон уставился на меня поверх очков:

— Ну что ж, Симмонс, при такой длине это должен быть отличный, нет, блин, гениальный рассказ, если хочешь выйти отсюда живым. Comprene? Capisci?¹

Я вышел оттуда живым и здоровым. Более того, настолько живым я не ощущал себя уже несколько лет. И дело не только в том, что рассказ Эллисону понравился. Эллисон с Эдом Брайантом и еще с несколькими бывшими там писателями... они отыскивали в рассказе все до единого изъяны, уловили все фальшивые ноты и простучали фальшпанели, нащупали все места, где я отделался скороговоркой, а надо было копнуть глубже, безжалостно оголили каждую искаленную фразу и каждый халтурный оборот. Но главное — они отнеслись к моему рассказу серьезно.

И Харлан Эллисон сделал гораздо больше. Он сказал мне то, что я знал уже давно, но в чем в последнее время малодушно разуверился, — он сказал, что я в любом случае должен продолжать писать, как бы там ни складывалось с публикациями, и что другого выбора у меня нет. Он сказал, что немногие слышат музыку, но те, кто слышит, должны следовать за дудочкой крысолова, другого выбора у них нет. Он сказал, что если я не сяду снова за машинку и не буду работать, он прилетит в Колорадо и с корнем вырвет мой долбанный нос.

Я снова сел за машинку. Эд Брайант щедро позволил мне стать первым участником Милфордского семинара, не имевшим за плечами публикаций... Там я научился катать шары с большими ребятами.

Той же осенью я отправил переработанный вариант рассказа «Стикс течет вспять» в журнал «Сумеречная зона» на их первый

---

¹ Понятно? (фр., ит.)

ежегодный конкурс начинающих авторов. Потом «сумеречники» сказали мне, что рассказов поступило девять тысяч с лишним, и все их нужно было прочесть и оценить. «Стикс» поделил первое место с рассказом У. Г. Норриса.

Вот так мой первый рассказ попал на журнальные прилавки 15 февраля 1982 года. По чистой случайности в тот же день родилась Дженет, наша дочь.

То, что меня наконец опубликовали, было замечено не сразу, в том числе мною самим. Аналогии — дело хорошее, параллелей между процессом сочинительства и беременностью можно провести сколько угодно, однако если говорить о рождении, дети — это настоящее дело.

Итак, на ваш суд представляется (как говаривал один джентльмен) история о любви и утрате, а также о печальной необходимости порой отказаться от того, что возлюбил всем сердцем.

СТИКС ТЕЧЕТ ВСПЯТЬ

Что возлюбил всем сердцем, остается,
все остальное — шлак.
Что возлюбил всем сердцем,
не отнимут.
Что возлюбил всем сердцем —
есть настоящее твое наследье.

Эзра Паунд. Cantos LXXXI¹

Я очень любил маму. После того как ее похоронили, после того как гроб опустили в могилу, семья вернулась домой и стала ждать маминого возвращения.

Мне тогда было всего восемь лет. Из обязательной церемонии я помню очень мало. Помню, что воротник прошлогодней рубашки жал, а галстук с непривычки казался петлей на шее. Помню, что июньский денек был слишком хорош для такого скорбного собрания. Помню, что дядя Вилли в то утро сильно пил, помню, как на обратном пути с кладбища он достал бутылку «Джека Дэниелса». Помню лицо отца.

День потом тянулся слишком медленно. На домашних посиделках мне было делать нечего, взрослые не обращали на меня внимания. Так что я бродил из комнаты в комнату со стаканом теплого порошкового лимонада, пока наконец не ускользнул на задний двор. Но и этот знакомый пяточок, где я привык играть один, утратил всякое очарование: за соседскими окнами маячили бледные, расплоснутые лица. Они ждали. Надеялись увидеть пусть краешком глаза. Мне же хотелось кричать, кидаться в них камнями. Вместо этого я сел на старую тракторную крышку, служившую нам песочницей. Сосредоточенно вылил красный лимонад в песок, глядя, как струя выкапывает себе ямку.

Вот и ее сейчас выкапывают.

Я подбежал к качелям, запрыгнул и принялся раскачиваться, сердито отталкиваясь ногами от сухой земли. Ржавые качели поскрипывали, одна стойка норовила выскочить из своей лунки.

Да нет, идиотина, уже выкопали. А сейчас подключают ее к большим машинам. Чтобы снова закачать в нее кровь.

Я представил висящие бутылки, капельницу. Вспомнил толстых красных клещей, которые присасывались летом к нашей собаке.

---

¹ Перев. Я. Пробштейна.

Я сердито отталкивался ногами от земли, сильнее и сильнее, хотя взлететь выше качели уже не могли.

Интересно, что сначала — пальцы начинают дергаться? Или у нее просто распахнутся глаза, как у проснувшейся совы?

Я достиг высшей точки своей дуги и спрыгнул. На мгновение став невесомым, завис над землей, как Супермен, как покидающий тело дух. Но тяготение тут же заявило на меня свои права, и я тяжело упал на четвереньки. Расцарапав ладони, запачкав травой правое колено. Мама будет ругаться.

Ее сейчас расхаживают. Может, одевают — как манекен в витрине лавки мистера Фельдмана.

Во двор вышел мой брат Саймон. Он был старше меня всего на два года, но тогда показался мне взрослым. Не просто взрослым — старым. Его светлые волосы, подстриженные так же недавно, как и мои, липли челкой к бледному лбу. Взгляд — усталый. Саймон почти никогда не кричал на меня, но в тот день прикрикнул:

— Давай в дом! Сейчас уже приедут.

Я зашел вслед за ним через заднее крыльцо. Большинство родственников разъехались, но из гостиной был слышен голос дяди Вилли. Дядя Вилли кричал. Мы замерли в коридоре, вслушиваясь.

— Я тебя умоляю... Лес, еще не поздно... Просто нельзя так делать, нельзя!

— Все уже сделано.

— Бога ради... подумай о детях!..

Голоса звучали невнятно: дядя Вилли успел крепко добавить. Саймон приложил палец к губам. Повисла пауза.

— Лес, да ты прикинь, какая это куча денег. Четверть всего, что у тебя есть. На сколько там лет? Подумай о детях!..

— Вилл, все уже сделано.

Такого голоса мы у папы никогда еще не слышали. Папа не спорил, как бывало, когда они с дядей Вилли засиживались допоздна и толковали о политике. В голосе не было грусти, как в тот день, когда папа говорил с Саймоном и со мной, забрав маму из больницы в первый раз. Теперь в отцовских словах была только непреклонность: решение принято — и точка.

Спор на этом не закончился. Дядя Вилли опять развопился. Даже тишина в паузах звучала сердито. Мы пошли на кухню за колой. Когда возвращались, дядя Вилли чуть нас не сшиб, так он спешил убраться. За ним захлопнулась дверь. Больше он к нам никогда не приходил.

Маму привезли домой, когда уже стемнело. Мы с Саймоном смотрели через витражное окно и чувствовали, что соседи тоже смотрят. С нами остались только тетя Хелен и еще несколько ближайших родственников. Папа явно удивился, когда увидел подъехавшую машину. Не знаю, чего он ждал — может, длинного черного катафалка, такого же, как тот, который утром увез маму на кладбище.

Они подъехали в желтой «тойоте». С мамой в машине были четверо мужчин. И не в темных костюмах, как на папе, а в пастельных рубашках с короткими рукавами. Один из мужчин вышел первым, отворил дверцу и помог маме выйти.

Хотелось распахнуть дверь и броситься к маме бегом, но Саймон схватил меня за руку, — так мы и стояли в коридоре, пока папа и остальные взрослые открывали дверь.

Они приближались по дорожке в свете газовых ламп. Мама шла между двумя мужчинами, но те не поддерживали ее, только слегка направляли. На ней было голубое платье, которое она купила в «Скотте», перед тем как заболела. Я ожидал увидеть восковую бледность, как в тот день, когда заглянул сквозь дверную щелку в спальню, прежде чем приехали гробовщики и забрали тело, — но на ее лице был здоровый румянец, чуть ли не загар.

Вот они поднялись на крыльцо, и я понял, что на ней много косметики. Мама никогда не пользовалась косметикой. Мужчины тоже были розовощекими. И у всех троих одинаковые улыбки.

Они вошли в дом, и все мы отступили на шаг — кроме папы. Он взял маму за плечи и долго смотрел на нее, потом поцеловал в щеку. Она, кажется, поцелуем не ответила. Так и продолжала улыбаться. У папы текли по щекам слезы. Мне было очень неудобно.

Воскресенцы что-то говорили. Папа и тетя Хелен кивали. Мама же просто стояла с вежливой улыбкой и смотрела на мужчину в желтой рубашке, который шутил и хлопал папу по спине. Потом пришла наша очередь обнимать маму. Тетя Хелен выдвинула вперед Саймона, я цеплялся за его руку. Он чмокнул маму в щеку и сразу отодвинулся, встал рядом с папой. Я же обхватил ее за шею и поцеловал в губы. Мне очень не хватало мамы.

Кожа ее не показалась холодной. Просто другой.

Мама смотрела прямо на меня. Бакстер, наша овчарка, завыл и принялся скрести заднюю дверь.

Папа отвел воскресенцев в кабинет. До нас, оставшихся в коридоре, доносились обрывки разговора.

СОДЕРЖАНИЕ

МОЛИТВЫ РАЗБИТОМУ КАМНЮ

<i>Харлан Эллисон. Вступление. Перевод Д. Кальницкой.</i>	7
Предисловие к «Стикс течет вспять». <i>Перевод А. Гузмана.</i>	16
СТИКС ТЕЧЕТ ВСПЯТЬ. <i>Перевод А. Гузмана</i>	
Предисловие к «Те глаза, что и во сне страшно встретить». <i>Перевод Д. Кальницкой</i>	31
ТЕ ГЛАЗА, ЧТО И ВО СНЕ СТРАШНО ВСТРЕТИТЬ. <i>Перевод Д. Кальницкой</i>	33
Предисловие к «Ванни Фуччи жив-здоров и передает привет из ада». <i>Перевод Д. Кальницкой</i>	60
ВАННИ ФУЧЧИ ЖИВ-ЗДОРОВ И ПЕРЕДАЕТ ПРИВЕТ ИЗ АДА. <i>Перевод Д. Кальницкой</i>	62
Предисловие к «Кошмарным скрипом колыбели». <i>Перевод Д. Кальницкой</i>	78
КОШМАРНЫМ СКРИПОМ КОЛЫБЕЛИ. <i>Перевод Д. Кальницкой</i> . . .	81
Предисловие к «Вспоминая Сири». <i>Перевод Д. Кальницкой</i>	88
ВСПОМИНАЯ СИРИ. <i>Перевод Д. Кальницкой</i>	91
Предисловие к «Метастазу». <i>Перевод Д. Кальницкой</i>	130
МЕТАСТАЗ. <i>Перевод Д. Кальницкой</i>	132
Предисловие к «Жертвоприношению». <i>Перевод Д. Кальницкой</i>	153
ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ. <i>Перевод Д. Кальницкой</i>	156
Предисловие к «Электронному билету во Вьетнамленд». <i>Перевод Д. Кальницкой</i>	173
ЭЛЕКТРОННЫЙ БИЛЕТ ВО ВЬЕТНАМЛЕНД. <i>Перевод Д. Кальницкой</i>	175
Предисловие к «Могильникам Айверсона». <i>Перевод Д. Кальницкой</i>	195
МОГИЛЬНИКИ АЙВЕРСОНА. <i>Перевод Д. Кальницкой</i>	197
Предисловие к «Побриться и постричься — всего за два укуса». <i>Перевод Д. Кальницкой</i>	240

ПОБРИТЬСЯ И ПОСТРИЧЬСЯ — ВСЕГО ЗА ДВА УКУСА. <i>Перевод Д. Кальницкой</i>	242
Предисловие к «Гибели кентавра». <i>Перевод Д. Кальницкой</i>	257
ГИБЕЛЬ КЕНТАВРА. <i>Перевод Д. Кальницкой</i>	259
Предисловие к «Две минуты сорок пять секунд». <i>Перевод Д. Кальницкой</i>	292
ДВЕ МИНУТЫ СОРОК ПЯТЬ СЕКУНД. <i>Перевод Д. Кальницкой</i> ...	295
Предисловие к «Утехе падали». <i>Перевод Д. Кальницкой</i>	302
УТЕХА ПАДАЛИ. <i>Перевод А. Кириченко</i>	303

ЛЮБОВЬ-СМЕРТЬ

Предисловие. <i>Перевод М. Куренной</i>	349
ЭНТРОПИЯ В ПОЛНОЧНЫЙ ЧАС. <i>Перевод М. Куренной</i>	360
СМЕРТЬ В БАНГКОКЕ. <i>Перевод Н. Масловой</i>	393
ЖЕНЩИНЫ С ЗУБАСТЫМИ ЛОНАМИ. <i>Перевод М. Куренной</i>	436
ФЛЭШБЭК. <i>Перевод Н. Масловой</i>	508
СТРАСТНО ВЛЮБЛЕННЫЙ. <i>Перевод М. Куренной</i>	556
Примечания.	659

МИРОВ И ВРЕМЕНИ СПОЛНА

Предисловие. <i>Перевод Н. Виленской</i>	665
Предисловие к «В поисках Келли Дэл». <i>Перевод Н. Виленской</i>	671
В ПОИСКАХ КЕЛЛИ ДЭЛ. <i>Перевод Н. Виленской</i>	675
Предисловие к «Сиротам Спирали». <i>Перевод М. Левина</i>	716
СИРОТЫ СПИРАЛИ. <i>Перевод М. Левина</i>	723
Предисловие к «Девятому ава». <i>Перевод Н. Виленской</i>	773
ДЕВЯТОЕ АВА. <i>Перевод Н. Виленской</i>	779
Предисловие к «На K2 с Канакаридисом». <i>Перевод Д. Кальницкой</i>	801
НА K2 С КАНАКАРИДИСОМ. <i>Перевод Д. Кальницкой</i>	807
Предисловие к «Концу гравитации». <i>Перевод Н. Виленской</i>	850
КОНЕЦ ГРАВИТАЦИИ. <i>Перевод Н. Виленской</i>	858

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НЕ ВХОДИВШИЕ В СБОРНИКИ

КОНСУЛЬТАНТ. <i>Перевод М. Клеветенко</i>	889
ВСЕ ДЕТИ ДРАКУЛЫ. <i>Перевод Н. Сечкиной</i>	918

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О СТИГМАТИЧЕСКОЙ ПАНДЕМИИ ХОФФЕРА. <i>Перевод М. Клеветенко</i>	944
ФОТОГРАФИЯ КЛАССА ЗА ЭТОТ ГОД. <i>Перевод Е. Доброхотовой- Майковой.</i>	956
ОДИН МАЛЕНЬКИЙ ШАГ ДЛЯ МАКСА. <i>Перевод Д. Кальницкой.</i> ...	977
МОИ ЛИЧНЫЕ КОПША-МИКЭ. <i>Перевод Н. Сечкиной</i>	992
MADAME BOVARY, C'EST MOI. <i>Перевод А. Гузмана</i>	1016
ПЫЛАЮЩАЯ МУЗА. <i>Перевод Е. Доброхотовой-Майковой</i>	1019

ПРИМЕЧАНИЯ

<i>Н. Виленская, А. Гузман, Е. Доброхотова-Майкова, Д. Кальницкая, М. Клеветенко, М. Куренная, Н. Маслова, Н. Сечкина</i>	1083
---	------